

2207 **ГЛАЗАМИ ШАУСТОВСКОГО****ИЗ АРХИВА ПИСАТЕЛЯ**

Когда мы говорим «бружба» или тем более «творческая дружба» обычно считаем, что речь идет об отношениях между людьми. Знакомясь с письмами и дневниками Константина Георгиевича Паустовского, убеждаешься, что этими словами можно передать чувства, которые он испытывал и к... Севастополю. Этот город был для него как бы одухотворенным существом. Поэтому и вся юго-западная часть Крыма, так сказать «окрестности Севастополя» обладала в его глазах особой притягательностью.

«Мне пришлось видеть много городов,— писал Паустовский в «Повести о жизни»,— но лучшего города, чем Севастополь, я не знаю».

Первое свидание с этим городом у него состоялось в самом начале века, когда будущему писателю было четырнадцать лет. Позже он вспоминал: «Белый Севастополь медленно плыл нам навстречу. Он встретил наш старый пароход полуденным пушечным выстрелом и голубыми крестами андреевских флагов...»

Вторая встреча с Севастополем отражена в дневнике 1916 года. Тогда весной Паустовский приезжал в Севастополь к своей невесте Екатерине Степановне Загорской. Потом он напишет ей: «...Севастополь для меня теперь вторая родина».

Дневники и записные книжки отца заполнялись короткими, рублеными фразами в «те-

леграфном» стиле. Это были не пространные описания, а лишь «вехи» для собственной памяти. Письма, напротив, он писал обстоятельно.

С конца 1934 года Паустовский нередко проводит в Севастополе и Ялте значительную часть осени и зимы. Пишет рассказы, правит корректуру «Романтиков», собирает материал и работает над «Черным морем». Поздняя осень и даже зима были для него, пожалуй, любимым крымским сезоном. Об этом он писал и друзьям. Недавно обнаружены его письма Г. Л. Эйхлеру — первому редактору многих книг Паустовского.

Пребывание в Крыму действовало на отца

порой так сильно, что он начинал даже заполнять свои письма рисунками. В одном письме из Севастополя ко мне он нарисовал карандашом целый морской пейзаж со шхуной, военным кораблем и даже дельфином, кувыркающимся на первом плане. В другом письме из Ялты рисункам отведена целая страница. Один из них — шхуна «Эспаньола» — воспроизводится здесь.

Все материалы этой публикации появляются в печати впервые. Отрывки из дневника и писем даны с сокращениями. Полностью письма войдут в девятый том собрания сочинений, который посвящается переписке писателя.

Вадим ПАУСТОВСКИЙ.

ИЗ ДНЕВНИКА 1916 г., март.

...В поезде. Туннели. Бешеный ход. Инкерман. Море — Северная бухта. Нарядный вокзал. Трамвай. Горы, синь неба, тополя Чистый, умытый город...

Соборная, 26 Садики, деревянная терраса. Солнце, вдали море, мимозы. Холодная вода... Синяя мгла, седая бесконечность — огни — словно золотые цветы заткали тонкую ткань. Огни бухты. Серые броненосцы... Наша звезда. Бастионы... Цветут миндаль и яблоня. Кафе. Моряки и офицеры. Тишина, зелень. У моря — Приморский бульвар. Стрелы, руки прожекторов. Плеск волн. Нахимовский проспект. Тьма. Нить огней. Струи света из дверей и окон магазинов. Шумят акции. Фруктовые лавочки душистые, пряные.

День — золото. Блики цвета апельсина. Графская пристань. Гранитная скамейка. Идут катера. Волна прозрачная, зеленая Качает. Солнце ложилось в море широкое, горячее — небывалыми отблесками залило землю и море...

В Херсонес. Кладбище все в кипарисах. Белое крымское шоссе. Черно-синяя бухта. Монастырь тихий и сонный. Сквозь фруктовые сады — к открытому морю. Закат в волнах. Широкий дикий шум. Железная пристань. Простор. синее

даль, ветер и пепел и мокрые камни.

ИЗ ПИСЕМ К ЖЕНЕ

30 января 1922 г. Из Севастополя в Одессу.

Если бы ты знала, какая у меня тоска по тебе... Я брожу по знакомым местам, по Соборной, по Приморскому и Историческому бульвару и вспоминаю тебя.

Голод здесь жуткий, под его впечатлением проходят все дни...

21 июля 1929 г. Из Москвы в Балаклаву.

...Начал писать, — выходит хорошо, по-новому. Москва и все московское как-то после моря перестало меня занимать, я променял бы его с радостью на одно севастопольское утро.

2 сентября 1929 г. Из Москвы в Балаклаву.

...Я стосковался страшно — пишу даже рассказ о тебе и Димушке — бессюжетный, — там много солнца, моря и ребячества.

В моем рассказе, в конце, мальчик с мамой едет к отцу, в Москву, и всю дорогу волнуется и пристает к маме, — хватит ли в паровозе дыма до Москвы?..

1 ноября 1935 г. Из Севастополя в Москву.

...Я не писал так долго потому, что очень и очень много работаю... Я рад тому, что попал в Севастополь, — в Морской библиотеке — целые залежи ин-

тереснейшего материала, много редких и ценных книг о Черном море и архивных документов. Встретили меня здесь очень хорошо, горсовет дал комнату, командующий Черноморским флотом распорядился открыть мне архивы... Работать никто и ничто не мешает, и я работаю с наслаждением...

ИЗ ПИСЕМ Г. Л. ЭЙХЛЕРУ. Севастополь, 2 декабря 1935 года.

Я работаю бешено, время в работе идет стремительно... Здесь зимние штормы, теплота, солнце, за окнами, когда я пишу, проходят в море корабли. Изредка заходят ко мне севастопольцы — помощники Шмидта по очаковскому восстанию — минер Мартыненко — «дядя Федя» — маленький рыжий, добродушный боцман, директор Московской библиотеки Лелонг — знаток литературы и коннозаводства. Познакомился

с сестрой Шмидта — Анной Петровной Избаш, — чудесная старушка. В редкие свободные часы брожу по городу, езжу на Северную и Корабельную и должен Вам сказать, что Севастополь — изумительный город...

Ялта, 25 января 1937 года. Мне очень жаль, что Вас нет в Ялте, у моря, — на днях выпал густой снег, стоит мягкая приморская зима, много серебра, солнца, блеска и тишины. На море — зеленый веселый шторм, из моей комнаты слышно, как ревет прибой и на маяке все время звонит колокол, — над морем мгла. В воздухе пахнет весной.

ИЗ ПИСЕМ СЫНУ ВАДИМУ 3 ноября 1936 г. Из Севастополя в Москву.

Димушка, поздравляю тебя с праздниками. Напиши мне, как прошли праздники в Москве, а я тебе напишу о Севастополе, —

здесь будет парад моряков.

Три дня был страшный шторм и холод, ветер так ревел, что даже в комнатах было жутко. А сегодня на море туман и очень тихо. Иногда мимо моих окон проходят военные корабли, — они сейчас все выкрашены в голубой очень яркий цвет. Окна выходят на маленькую бухту, она называется Артиллерийской, в ней стоят только парусные суда — шхуны и фелюги...

Здесь матросов больше, чем «мирных» жителей. Матросы все очень молодые, высокие и веселые.

Я много работаю и часто бываю в старинной Морской библиотеке, — она считается второй в Европе по богатству морских книг. Там есть приказы, написанные от руки Петром Первым, но их очень трудно прочитать, — у Петра был плохой почерк и писал он безграмотно. Есть много книг с гравюрами кораблей и морских боев. В музее я видел модели кораблей величиной в твою комнату.

Недавно я ездил в Стрелецкую бухту, — туда попасть очень трудно, там поднимают со дна моря затонувшие корабли. Мне обещали показать подъем, будет он, должно быть, не скоро. Напиши, как ты учишься и рисуешь?..

24 декабря 1936 г. Из Ялты в Москву.

Димушка, только что я послал тебе маленький подарок, как будущему «путешественнику». Спасибо за рисунки — иллюстрации к рассказам.

Я приеду в Москву в январе, когда окончу работу. Здесь работать очень хорошо, — тихо и спокойно... но иногда мешает работать хорошая погода. Штормы и дожди кончились, сейчас стоят теплые солнечные дни.

Недавно мы ездил на Ай-Петри и «орлиный залет» — на нашем грузовике. По дороге на Ай-Петри — громадные леса из крымской сосны (с бледно-розовыми стволами). Машина прошла облака, мы промокли, потом, на Ай-Петри, мы очутились над облаками. Солнце жгло страшно, а в тени лежал твердый снег. Внизу до самого горизонта были гладкие облака, залитые солнцем, — это было похоже на полярный пейзаж.

В порту стоит старая шхуна, переделанная для съемки картины «Остров сокровищ» (по Стивенсону) в старый парусный корабль «Эспаньола». Она раскрашена в черные и белые полосы, по бортам сделаны люки для пушек...

Напиши мне, как ты учишься, что сейчас читаешь?

Публикация В. Паустовского.

